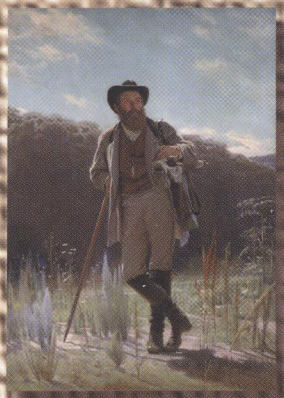
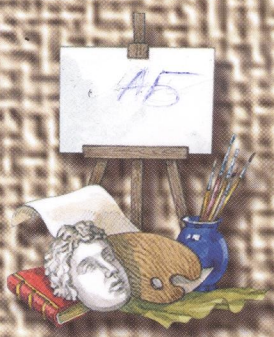


Сказка о лесном художнике



Шишкин

БЕЛЫЙ ГОРОД

И. Крамской
Портрет И. Шишкина

СКАЗКА О ЛЕСНОМ ХУДОЖНИКЕ

Много художников жило в России, а мало кто был так знаменит, как Шишкин. Больше всего на свете любил изображать леса, реки, деревья... Все вместе это называется «пейзаж». И почти всегда на его картинах светило яркое солнце, сияло голубое небо, зеленела трава. Любил он, чтобы все было красивое, сильное, здоровое.

Он и сам был такой — широкоплечий, с кудрявыми волосами и бородой, с большими сильными руками. Кажется, ему этими руками только бы топор или молот большой держать. А он как возьмет карандашик — его и не видно в толстых пальцах — да как станет листочки, корешки да веточки вырисовывать — глаз не оторвешь!

Шумят на его картинах сосновые рощи, волнуется золотая рожь, шелестят листвой могучие дубы. Кто ни посмотрит — залюбуется. Широка, просторна, нарядна, богата наша земля. Живи, да радуйся!

Вот пошел однажды Шишкин в лес посмотреть, как всегда, на всякие маленькие и большие чудеса: на деревья-великаны, цветы да разных лесных обитателей. То мухомор уж больно красивый на-

Полдень. В окрестностях Москвы →

Березовая роща

рисует, то ствол еловый, весь мхом заросший, то травку какую-нибудь кудрявую углядит и сейчас же на карандаш. Шел-шел, и не заметил, как забрел в глухую непролазную чащу. Вдруг видит: впереди просвет. Глянул Шишкин сквозь ветки, да и обомлел! Кувыркаюся на полянке, на поваленных стволах, три медвежонка. Карабкаются вверх, рычат, друг друга покусывают, а если свалятся и ударятся побольнее, то начинают жалобно пищать — ну совсем, как ребятишки.

Стоит Шишкин, любуется, пошевелиться боится, чтобы не спугнуть лесных шалунов. И вдруг кто-то ему на плечо словно руку тяжелую положил. Оглянулся Шишкин и аж присел от неожиданности — стоит по-

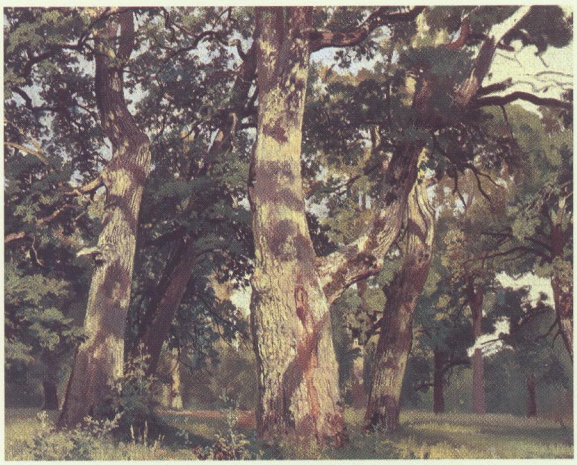
Рожь

зади него громадная медведица. И подобралась-то ведь как тихонько, он и не услышал. «Ну,— думает, — пропал, брат Шишкин, конец тебе пришел».

А медведица-то вдруг наклонилась и... говорит ему толстым голосом:

— Это ты чей же будешь? Как звать-величать прикажешь?

— Ив-ван Ив-ванович, — только и смог прошептать Шишкин.



Дубы. Вечер

— Ну а меня Марья Михайловна зовут, — как ни в чем ни бывало рычит медведица. — Я, братец, тебя уж давненько знаю. Сколько раз видала, как ты наш лес, деревья и цветы на бумагу переносишь, и они у тебя как живые. Человек ты, видать, не злой, не охотник, а то я бы тебя к своим медвежатам и на сто шагов не подпустила. Не как другие-прочие по лесу ходишь: костров не жжешь, малой ветки зря не сломаешь. Не иначе, ты тоже наш, лесной, будешь?

— Ну, лесной не лесной, а лес люблю, — говорит Шишкин.

Папоротники в лесу

— И чей же ты сын, кто твой батюшка?

— Купец он, из Елабуги, — отвечает Шишкин, а сам себя за руку щиплет: уж не снится ли ему весь этот разговор?

— А-а-а, — кивнула медведица. — Знаю я те места. А чего ж ты-то сам в купцы не подался?

— Да не вышел из меня купец, — засмеялся Шишкин. — Не торговый я, знать, человек. Все меня обманывали. Батюшка смотрел-смотрел, да и махнул на меня рукой.

Езжай, мол, куда хошь, видно, не судьба тебе наследником моего дела стать. И поехал я в Москву на художника учиться.

— А долго ли по этой части учиться-то надо?

— До-о-лго, — махнул рукой

Пейзаж с фигурой

Шишкин. — Много лет. Да и не все, кто учится, потом художниками настоящими становятся.

— А в других-то краях бывал? — спрашивает опять медведица. Видно, делать-то ей особенно нечего, вот и решила она с интересным человеком потолковать.

— Бывал, как же, — говорит Шишкин. — В разных странах чего только ни повидал, а такого простора да красоты, как у нас, нигде не нашел.

И уж совсем было хотел ввернуть, что его недавно «царем леса» в газете назвали, да вовремя язык прикусил: брякнешь этак при медведице, так, пожалуй, и греха не оберешься — небось, она сама

Утро в сосновом лесу

Дождь в дубовом лесу

себя лесной царицей считает. Да и по праву — нет в лесу никого старше да сильнее ее.

— Что, хороши у меня детки? — спрашивает медведица.

— Куда уж лучше, — улыбнулся художник.

— Вот и я говорю: таких медвежат на всем свете не сыщешь. Вон какие здоровенькие да пригоженькие. Слышь-ко, Иван Иванович, нарисуй мне на память моих детушек. Уж больно быстро растут — не успеешь оглянуться, а их уже и след простыл, взрослыми медведями стали, в лес ушли. Встретишь — и не узнаешь. Нарисуй, а? А уж я тебе за это самые укромные места в лесу покажу, где меда да малины видимо-невидимо, туда тебе ни за что самому не добраться.

— Да не умею я людей да зверюшек рисовать, — испугался Шишкин. — Вот честное слово, не умею!

— Ты мне тут голову пустыми словами не забивай! — осерчала медведица. — Умеешь рисовать, так и не скромничай! А то я тебя сейчас как ударю — из тебя и дух вон!

Видит Шишкин — дело плохо. Надо что-нибудь придумывать.

— Да ведь у меня тут ничего, кроме карандаша-то, и нет, — развел он руками. — А у медвежат твоих, смотри, глазки черные, шерстка бурая, подпалинки светлые, язычки розовые. И хочется, чтобы деревья зеленые были, чтобы солнышко золотилось. Карандашом так-то не сделаешь. Отпусти ты меня домой, Марья Михайловна! Там у меня краски разноцветные есть, я большую кар-

тину напишу, да и тебя с детьми туда вставлю.

— И все меня с детишками увидят?

— Ну конечно! — отвечает Шишкин.

— А ведь мне-то все равно ничего не останется на память, — сообразила Марья Михайловна.

— Зато ее много людей увидят. Увидят, улыбнутся на твоих детушек, а там, может, и не выстрелят лишний раз в лесу, пожалеют вас, лесных жителей.

— Ишь ты! — усмехнулась медведица. — А не обманешь?

— Честное человеческое слово! — торжественно пообещал художник. — Да я тебе потом маленькую картиночку с нее сделаю и вот сюда на полянку принесу.

На севере диком

— Ну, смотри, — погрозила медведица. — Не привыкла я вам, людям, доверять, да уж попробую, так и быть, поверю разок. Запомнил ты моих детушек?

Кивнул головой Шишкин, а на самом деле эти мишутки для него, что цыплята, все одинаковы. Нужно много времени, чтобы каждого рассмотреть, нрав-характер распознать.

— Ну, ступай, —молвила медведица.— Поглядим, какое такое ваше слово человеческое.

Обрадовался Шишкин, но виду не показал. Поклонился с достоинством и пошел себе спокойно, не торопясь. А как домой вернулся, стал

Заросший пруд у опушки леса

Лесная глушь

думать, что же теперь делать? Нехорошо ведь честное слово нарушать, даже если дал его лесному зверю. Да и какой же это простой зверь Марья Михайловна, коли по-человечески, как мы с вами, разговаривает? И начал Шишкин новую картину писать. Большущий холст взял да все, что в тот день видел, на картине изобразил: и лес дремучий, и сосновые стволы с корнями вывернутые, и, кажется, даже сам лесной воздух, на смоле да на травах настоянный. Все, как живое, вышло, все есть — но медвежата не получаются! Что-то похожее, конечно, выходит — вроде игрушечных плюшевых мишек, а вот таких, каких видел, — веселых, живых, озорных лесных детишек — написать не получается. Да и Марью Михайловну не запомнил он со страху — так, что-то огромное, зубастое да лохматое.

Пришел тут в гости к Шишкину его друг, художник Савицкий Константин Аполлонович. Увидел он, как Шишкин бьется-мучается, да решил другу помочь.

— Я, — говорит, — тебе этих медведей за милую душу нарисую, и никакая Марья Михайловна в жизни не догадается. Ты подумай, она что, в зеркало, что ли, смотрится? Да и медвежат у нее каждый год по двое, по трое. Растут быстро, она их, поди, тоже не больно-то помнит. Главное, чтобы медведи, как живые, вышли, а для этого надо на них как следует посмотреть, неважно, где, да хоть бы и в цирке. Сказано — сделано. Получилась картина на славу. Сделал Шишкин маленькую копию, отнес на поляну да и оставил на том самом месте, где с медведицей-то говорил. Пришел дня через два — картинки нет, а кто уж ее взял, Марья Михайловна, или грибник какой — неведомо.

Через несколько месяцев оказался Шишкин как-то в компании охотников. Начались всякие охотничьи рассказы, а один вдруг и говорит:

— Слышь-ка, художник, какой у нас случай чудной вышел. Обложили мы недавно медвежью берлогу, собак натравили, стали зверя из берлоги выгонять. Шум, гам, лай, медведь рычит, а выходить не хочет. А потом, ты только послушай,

высунул он осторожно из берлоги огромную лапу, а в лапе той, не поверишь, картинка! И на ней медведица с медвежатами в лесу изображены летом.

— Да что ты! — поразился Шишкин. — Это же ведь моя картина была! И медведица та — моя знакомая. Неужели у вас рука поднялись в нее выстрелить?

— Ну что ж мы, совсем, что ли, никакого понятия не имеем, — обиделся охотник. — Видим, зверь не простой, собак отозвали, ружья стволами вниз повесили, «выходи!», кричим. И вылезла огромадная медведица, видно, старая уж, но еще могучая. К груди картинку прижимает и медленно так в сторону, в лес уходит. А потом поклонилась вроде, и слышь, Иван Иванович, ведь она как будто нам «спасибо» сказала. Я так точно слышал, что она по-человечески нас поблагодарила, а вот приятель мой говорит, что почудилось мне. Не знаешь, кто прав-то из нас?

— Не знаю, — улыбнулся в усы Шишкин. — Медведь — он зверь не простой. Всякое бывает. — Головой помотал, и добавил про себя: «Значит, и впрямь помогла ей моя картиночка. Ну и дела!»

А картина эта, что Шишкин с Савицким написали, знаменитая стала. Вот какая слава Шишкину да Марье Михайловне выпала!

Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии